

РАБКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х – НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА (на материалах Поволжья)

ФЕДОСЕЕВА Людмила Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

г. Пенза, Россия

Статья посвящена развитию движения рабочих корреспондентов в начальный период реконструкции народного хозяйства в одном из крупнейших регионов России Поволжье. На основе архивных материалов автор раскрывает созидательный потенциал деятельности рабочих корреспондентов, подчеркивая в то же время неоднозначность воспитательного воздействия движения на широкие массы трудящихся.

Ключевые слова: рабочие корреспонденты, бригада рабкоров, редакционное бюро расследований, борьба с инакомыслием.

В 20-е гг. XX в. движение рабочих корреспондентов, поддерживаемое советской властью как форма борьбы с бюрократизмом и халатностью, рупор социалистического соревнования и внедрения новых методов труда, достигло значительного размаха. Начавшееся на предприятиях промышленности, оно быстро распространялось, охватывая строительство, транспорт, учреждения культуры и образования.

Выполняя, прежде всего, политико-идеологическую функцию, рабкоровское движение явилось в то же время формой приобщения рабочих к литературному творчеству. Для большинства писателей того времени рабкоровская деятельность являлась ступенькой в профессиональную литературу.

Однако положительный потенциал движения существенно нивелировался недостатками системы, в условиях которой оно развивалось. Уродливо-деформирующее влияние на сознание людей оказывала борьба партии и государства с малейшими проявлениями инакомыслия, нараставшая в конце 20-х – 30-е гг. Рабкоры оказались втянутыми в эту борьбу и сыграли немаловажную роль в ее «успешном» завершении.

Противоречивый характер воспитательного воздействия рабкоровского движения, как на самих рабкоров, так и на широкие массы трудящихся, представляет научный интерес, поскольку в данном аспекте проблема до сих пор не ставилась.

Начиналось рабкоровское движение с цеховых и заводских стенных газет и многотиражек. Стремясь поставить движение под свой контроль, партийные ячейки цехов и предприятий своими решениями назначали членов редколлегий, вмешивались в организационную работу. Однако такой стиль руководства быстро обнаружил свою несостоятельность: назначенцы не проявляли эн-

тузиазма в работе, редколлегии, созданные таким способом, были, как правило, безынициативны, нередко распадались [11, с. 28]. Поэтому к концу 20-х гг. доминирующим способом формирования редколлегий стенных газет стало избрание их на собраниях рабкоров [10, с. 9].

Редколлегии создавали на предприятиях рабкоровские кружки, в которых неравнодушные рабочие получали первичные навыки корреспондентской работы. В них обсуждались злободневные вопросы хозяйственной жизни предприятий, определялась тематика заметок, проводились встречи с руководством предприятий и подразделений.

Изобличение недостатков и нарушений в деятельности предприятий способствовало распространению антагонизма во взаимоотношениях администрации предприятий и рабкоров, что, в свою очередь, препятствовало искоренению недостатков, разоблачению хозяйственных и должностных преступлений. Это послужило основанием для издания 28 мая 1926 г. Приказа по ВСНХ СССР «Об отношении администрации хозорганов к стенным газетам и местной печати». Приказ обязывал руководителей предприятий «усилить наблюдение за действительным расследованием всех приводимых в стенных газетах и местной печати фактов бесхозяйственности, расточительности и расхлябанности... Принимать к сведению и деловой оценке все указания стенных газет и местной печати о всякого рода возможных улучшениях производства» [14, с. 14].

Та же проблема стала предметом обсуждения и на Третьем Всесоюзном совещании рабселькоров. В целях устранения антагонизма предлагалось проводить совместные собрания хозяйственников и рабкоров, уже продемонстрировавшие к тому времени положительный результат в ряде мест [12, с. 34].

Определенную роль в повышении внимания к движению рабкоров в целом и, в частности, к установлению делового партнерства рабкоров и хозяйственников сыграло Постановление ЦК ВКП(б) от 27 августа 1926 г. «Об очередных задачах партии в области рабселькорского движения». «Партийные комитеты, – говорилось в нем, – должны провести ряд мер к улучшению отношений между хозяйственниками и рабкорами и к созданию у хозяйственно-административных органов правильного понимания общественного и политического значения рабселькорского движения» [3, с. 59].

Однако понимая макроуровневое значение этого движения, хозяйственники часто не могли «простить» рабкорам их непримиримой позиции по организационно-хозяйственным вопросам на микроуровне. Рабкоры подвергались преследованиям с их стороны, нередко заканчивавшимся увольнением борцов с бесхозяйственностью [13, с. 42; 15, с. 77].

Специальные постановления и законы защищали рабкоров от преследований за критику и разоблачения. Организаторов преследований увольняли со службы, приговаривали к различным срокам лишения свободы (как правило, 1-3 года), рабкоры имели право обратиться с судебным иском в отношении должностных лиц, раскрывавших их псевдонимы (Некоторые газеты, «Саратовские известия», например, пересылали в милицию и другие органы заметки рабкоров в подлиннике с указанием их фамилий, а не псевдонимов).

Однако часто лица, действия которых разоблачались в заметках, прибегали к простому способу выяснения личности рабкора: подавали заявление в суд о клевете. «Познакомившись» в суде с рабкором, подвергали его гонениям [5, с. 25; 6, с. 22].

В Саратове пять раз привлекался к судебной ответственности «за клевету в печати» рабкор «Саратовских известий» телеграфист управления Рязано-Уральской железной дороги Иванченко. Всякий раз суд выносил ему оправдательные приговоры [4, с. 39].

Рост числа преследований рабкоров на протяжении второй половины 20-х гг. явился причиной издания Народным Комиссариатом Юстиции в июне 1927 г. Циркуляра «О порядке привлечения к уголовной ответственности рабселькоров», в котором говорилось, что судами принимаются к производству без достаточных оснований и даже в случаях явного отсутствия состава преступления дела по обвинению рабселькоров в клевете в печати. Циркуляр предписывал: «Привлекать рабселькоров ... исключительно в случаях прекращения судебно-следственным органом дела по заметке за отсутствием со-

става преступления в деянии лиц, разоблаченных рабселькорами, либо в случаях прекращения по тому же мотиву соответствующим административным органом, если дело было направлено в дисциплинарном порядке... Частичное подтверждение заметки не дает оснований для возбуждения преследования против рабселькоров за клевету» [7, с. 23].

Однако достаточные юридические гарантии не только способствовали дальнейшему росту рабкорского движения, но и создавали возможность отдельным рабкорам сводить счеты с администрацией. Нередки были случаи, когда рабкор, получивший служебное взыскание, заявлял, что администрация преследует его за рабкорскую деятельность. Данное явление получило настолько широкое распространение, что третье Всесоюзное совещание рабселькоров (май 1926 г.) сочло необходимым «вести решительную борьбу со всеми симулянтами преследований, беспощадное разоблачение их и предание общественному суду» [6, с. 18].

Организации рабкоров быстро росли. Например, объединение рабкоров при самарской газете «Коммуна» в 1927 г. насчитывало 500 членов, а в 1928 – уже почти тысячу. В день газета получала до 100 рабочих корреспонденций [1].

Благодаря рабкорам, тысячи случаев нарушения законности становились достоянием прокуратуры. С 1 июля 1925 по 1 июля 1927 гг. Самарская губернская прокуратура приняла к расследованию 3848 заметок. 1718 заметок (47,7%) нашли полное подтверждение. По ним было возбуждено уголовных преследований – 932, дисциплинарных – 247, внесено предложений об отмене незаконных постановлений и распоряжений – 38, сделано прочих распоряжений по существу заметок – 596. Невысокий процент подтверждаемости заметок объяснялся не плохим качеством рабкорской продукции, а плохой постановкой их учета и классификации. По мере их улучшения повышался и процент подтверждаемости. Самарское губернское совещание редакторов газет, состоявшееся в мае 1928 года, отметило уже 60%-ю подтверждаемость заметок рабкоров [2; 8, с. 46].

К концу 20-х гг. наметился некоторый сдвиг в борьбе за действенность рабкорской критики. Усиливается взаимодействие редколлегий фабрично-заводских газет с администрацией предприятий. Наряду с совместными совещаниями, вошедшими в практику работы в середине десятилетия, используются новые формы и методы, в частности, отчеты хозяйственников о реализации рабочих предложений на заседаниях рабкоров-

ских кружков и редколлегии [9, с. 24].

Перестраивались и местные газеты. Невысокая результативность работы редакционных бюро исследований, состоявших с ответчиками (организациями и учреждениями) в полубесплодной переписке, заставляла искать более оперативные формы контроля над реализацией критических замечаний. И они были найдены. В 1928 г. при самарской газете «Коммуна» была создана бригада рабкоров в количестве 20 человек. Члены бригады, получив путевку газеты, оперативно, с привлечением руководителей расследовали заметку на месте и содействовали немедленному принятию мер. В результате резко снизился процент неподтверждаемости заметок [16, с. 19].

Методы «живой связи» стали быстро распространяться по всему Поволжью. Восприняли их фабрично-заводские газеты, что благоприятно отразилось на состоянии рабкоровской деятельности.

28 ноября 1928 г. открылось четвертое Всесоюзное совещание рабселькоров. В его работе приняли участие 746 делегатов, из которых 255 являлись по социальному положению рабочими, 40 – служащими, 88 – крестьянами. Показатели общеобразовательного уровня могут, по-видимому, с некоторой приближенностью характеризовать уровень образования всей массы рабкоров. 85% делегатов с решающим голосом имели низшее образование, 13% – среднее и 2 – высшее [17, с. 3]. Как видим, уровень весьма низкий. В резолюции по докладу М.И. Ульяновой «Итоги и перспективы рабселькоровского движения» ничего не говорилось о необходимости его повышения, зато провозглашался «решительный курс на массовость, на вовлечение в рабселькоровскую работу самых широких слоев рабочих и крестьян, включая слои отсталые, делающие еще только первый шаг к общественной работе, курс на укрепление низовой печати, на превращение ее в действительное орудие организации масс вокруг очередных лозунгов партии и соввласти» [18, с. 34].

Нет сомнений, что вовлечение в активную общественную работу воспитывало, расширяло кругозор рабкоров, но, с другой стороны, низкий образовательный уровень позволял делать из них послушных проводников в массы любых «лозунгов партии и соввласти», и, таким образом, воспитание оказывалось односторонним, а, следовательно, таковым было и влияние рабкоров на массы.

Вместе с тем, нельзя отрицать, что к концу 20-х гг. рабкоровское движение выросло в значительную организующую и мобилизующую силу. Четвертое Всесоюзное совещание рабселькоров, состоявшийся вслед за ним VIII съезд профсоюзов, потребовавший от профорганизаций

всемерной поддержки движения, способствовали дальнейшему его подъему. Заметно выросли рабкоровские организации. Только печатные газеты Средне-Волжской области объединяли в январе 1929 г. около 15 тысяч рабселькоров. Всего же в области насчитывалось примерно 30 тысяч общественных корреспондентов [18, с. 37].

Высокой была корреспондентская активность рабочих Татарии. В 1929-1930 гг., например, им принадлежало 90-95% всех публикаций многотиражных газет [29, с. 220].

Развитие рабкоровского движения требовало усиления методической помощи корреспондентам, пропаганды передового опыта. С этой целью в январе 1930 г. радиостанция ВЦСПС начала передачу Всесоюзной радиогазеты «Рабселькор», которая выходила один раз в пять дней [19, с. 30].

Систематическим и целенаправленным становится обучение рабкоров на местах.

В 1930 г. была поставлена задача «оработить» кадры печати. Выдвижение ударников-рабкоров в аппараты газет практиковалось и в конце 20-х гг., но массовый характер приобрело в начале 30-х.

После выхода 11 ноября 1930 г. постановления ЦК ВКП(б) «О кадрах газетных работников», которое требовало «немедленно улучшить состав сотрудников и работу центральных редакций» работа по выдвижению приняла планомерный характер. В мае 1931 г. в составе редакций сталинградских газет «Борьба» и «Резервы» было 16 выдвиженцев-рабкоров, 27 рабкоров было выдвинуто в печатные заводские газеты, 9 человек направлены на учебу в коммунистический институт журналистики, 5 – окончили двухмесячные курсы газетных работников [26, с. 29].

Шестимесячные заочные курсы для актива рабселькоров и редколлегии заводских, цеховых, совхозных и сельских газет открыла с 1 января 1931 г. редакция журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» [20, с. 30].

Систематическая учеба, совещания рабкоров оживляли работу.

Широкое распространение в начале 30-х гг. получили ударные бригады рабкоров, первые из которых были созданы по инициативе «Правды» в конце 20-х гг. в Харькове, Москве, Ленинграде и других городах. Члены бригад выступали в цехах, где им приходилось бывать по заданиям редакции, вербовали новых ударников, вносили свои предложения по улучшению работы.

С конца 1930 г. на тракторном заводе действовала первая в Сталинграде ударная рабкоровская бригада в количестве 140 человек [22, с. 31].

Активно действовали ударные рабкоровские бригады в Татарии [24, с. 15].

Состоявшееся в январе 1931 г. Всесоюзное рабселькоровское совещание констатировало подъем движения, который особенно ярко выразился «в могучем ударническом движении в печати» [25, с. 4].

Ударные бригады рабкоров много делали для подъема производства. В частности, рабкоры завода «Красный Октябрь» весной 1931 г. повели борьбу за мобилизацию внутренних ресурсов. В сфере их внимания были вопросы загрузки оборудования, использования рабочей силы и рационализаторской инициативы. Почин подхватили рабкоры других сталинградских гигантов: тракторного завода, Сталгрэс, железнодорожного узла, Электролеса, «Баррикад», Ерманских лесозаводов, Нефтесиндиката и др.

В начале 30-х гг. ряды рабселькоров значительно выросли в связи с ростом печати. В 1928 г. в стране насчитывалось всего 200 печатных заводских газет, в 1929 – 1000, а в 1931 – 2500. Ежегодно увеличивались и темпы роста низовой печати. В 1932 г. выходило до 500 тысяч стенных фабрично-заводских и учрежденческих газет. Значительными были и темпы роста числа ударников «Правды». Если в 1930 г. в составе ударных рабкоровских бригад работали всего 500 человек, то в 1931 – уже 20 тысяч, а в 1932 – 50 тысяч человек [27, с. 16].

В 1934 г. идея коллективного рабкорства нашла свое новое выражение в выпуске сменных полос. Впервые сменные полосы, целиком готовившиеся силами редколлегий цеховых стенгазет, стала выпускать газета «Большевик» ленинградского завода. Идея была быстро подхвачена в стране и в Поволжье, в частности [28, с. 60].

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что многочисленный рабкоровский актив участвовал во всех общественно-политических кампаниях, проводившихся в стране, энергично боролся за выполнение планов первых пятилеток, пропагандируя опыт лучших производственников, вскрывая недостатки в работе отдельных предприятий, цехов, бригад, бичуя бюрократизм и т. д. Однако следует вернуться и к тезису о противоречивости воспитательного воздействия рабкоровского движения, выдвинутому в начале статьи. Эта противоречивость нашла свое выражение, на наш взгляд, в ряде мероприятий государственного масштаба, вылившихся в продолжительные кампании. Одной из таких кампаний

стала борьба за «классовую чистоту» рабкоровских рядов. Превысив предел необходимого, эта борьба превратилась в кампанию, заключавшую в себе потенциал негативного воспитательного воздействия. Так, в июньском номере «Рабоче-крестьянского корреспондента» за 1930 г. была помещена статья «Решительней покончить с классовым врагом» [21, с. 20].

В ней приводилась выдержка из письма селькора Вернера из Мордовской автономной области, заслуживающая цитирования. «В газете «Завод и пашня» до сих пор состоит на учете как активный селькор подкулачник Колдин... Селькор Колдин не дал ни одной разоблачительной заметки, хотя бы о действиях кулаков и об их сопротивлении во время проведения коллективизации в деревне. Он однажды дал разоблачительную заметку в «Правду», но не о действиях кулаков, а о работе сельского Совета, о его неправильных действиях по раскулачиванию, ... после появления заметки в «Правде», Колдин пишет заявление в руководящую газету о том, что его преследуют за селькорство. Он требует вмешательства руководящих газет, просит защиты». А от себя «Рабоче-крестьянский корреспондент» горько добавляет: «Вот иногда кто идет в селькоровские ряды...» [21, с. 20].

Проникнувшись идеей «кто не с нами, тот против нас», рабселькоры несли эту идею в широкие слои трудящихся, нанося ущерб их политическому воспитанию, гася свободную мысль, либо загоняя ее в подполье.

Особенно широкий размах приняла работа по выявлению «скрытых врагов Советской власти» в связи с кампанией против «вредительства». То, что раньше называлось халатностью, после шумного «Шахтинского дела» стало именоваться вредительством со всеми вытекающими отсюда последствиями [23, с. 4-5].

Борьба с троцкизмом знаменовала собой заключительный этап пресечения легальных попыток инакомыслия.

Таким образом, как результат развития движения общественных корреспондентов, мы видим, с одной стороны, подъем творческой инициативы трудящихся, а с другой, – сужение ее масштабов из-за односторонности политического и идеологического воспитания широких масс, в котором большую роль сыграли и рабочие корреспонденты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Самарской области. Ф.1. Оп.1. Д. 2761. Л. 18.
2. Государственный архив Самарской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2761. Л. 33, 64.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984. – Т. 4. – 575 с.

4. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1926. – № 2.
5. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1926. – № 6.
6. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1926. – № 10.
7. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1927. – № 11.
8. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1927. – № 18.
9. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1927. – № 21.
10. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1928. – № 2.
11. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1928. – № 5.
12. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1928. – № 8.
13. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1928. – № 9.
14. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1928. – № 10.
15. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1928. – № 11.
16. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1928. – № 18.
17. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1928. – № 23-24.
18. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1929. – № 1.
19. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1930. – № 5.
20. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1930. – № 2.
21. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1930. – № 15.
22. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1930. – № 27.
23. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1930. – № 30.
24. Рабоче-крестьянский корреспондент. 1930. № 32
25. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1931. – № 6.
26. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1931. – № 13-14.
27. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1932. – № 7-8.
28. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1934. – № 7.
29. Рабочий класс Татарии (1861-1980 гг.). – Казань: Татарское книжное изд-во, 1981. – 382 с.

RABOROVSK MOVEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 20-TH – THE BEGINNING OF THE 30-TH YEARS OF THE XX CENTURY (on materials of the Volga region)

FEDOSEEVA Lyudmila Yuryevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Penza State University
Penza, Russia

The article is devoted to the development of the movement of working correspondents in the initial period of the reconstruction of the national economy in one of the largest regions of Russia, the Volga region. Based on archival materials, the author reveals the creative potential of the activities of working correspondents, while at the same time emphasizing the ambiguity of the educational impact of the movement on the broad masses of working people.

Keywords: working correspondents, team of workers correspondents, editorial bureau of investigations, fight against dissent.
